

Михаил Бочкарев

Родился в 1977 году в Москве. Окончил среднюю школу, поступил в ВПУ (высшее профессиональное училище), обучаться профессии радиомонтажника. Окончив, год работал продавцом музыкальных инструментов. В 2001-м поступил в МГПУ (Московский Городской Педагогический Университет). Работал: охранником, копирайтером, продавал компьютеры, рекламу. С 1998 года является бессменным лидером рок-группы «ЯДЫ». Рассказы Михаила Бочкарева публиковались в журналах «Веси» и «Уральский Следопыт».

Карнавал

— Не дело это, Христофор Светофорыч, не дело. Мы, понимаешь, луняне не робкого десятка парни-то, а и то все вон, гляди, по норам сидят, копят жабнюшку. Как увидели его вертофлай, так никого теперь не сыщешь.

— Да я сам понимаю, Макар Протоныч, шо не дело, а куда ж его, черта, девать? Он же, сукин сын, с Земли-матушки, черт бы ее побрал, колесницу прогламуренную.

— Ты вот что, пригласи-ка ко мне этого, как бишь его?

— Звздодей Зомбоящиков.

— Вот-вот. Пусть придет завтра ко мне в кабинет, там все и решим. Да и сам заходи. Мне с ним наедине как-то тоже боязно.

На следующий день перед столом начальника лунной станции номер девятнадцать стоял посол с Земли. Одет он был по последней моде в прозрачные, с бирюзовым отливом, плавки и лифчик с голо-

граммой целующего Ким Ир Сена Брежнева. На рыжей бороде его покачивалась запаянная в стекло капля нефти, дорогушая, должно быть, как целый звездолет, а на запястье посла имелся браслет из натурального дерева. Было ясно, что богат тот несметно. По всему — отпрыск знатного и могущественно-го рода.

— Хайоу! — проблеял посол по-землянски и сделал приветственный жест, похожий на отмашку от назойливой мухи.

— Ах ты ж, жабья отрыжка, — подумал про себя Экскаваторный Макар Протоныч, — вот ведь, чего им там на Земле не сидится? — но, тем не менее, улыбнулся в ответ и поприветствовал гостя.

— Рады вашему визиту.

— Ну типо мы, кароче, к вам с такой темой, — начал посол слишком официально и дипломатично. Экскаваторный высокогламурному сленгу особо обучен не был, а потому сразу ступеялся, ощущая себя отсталым и старомодным, как какой-нибудь айфон девятнадцать джи, — надо у вас тут на Луне замутить, кароче, карнавал.

— Карнавал? Да у нас же ведь одна профессура, — ответил Макар Протоныч, растерявшись, — они и не поймут.

— Ну мы типо за этой феней и рубимся, чтоб вы тут темные лоси ваще не загибались. А то культура вся похерена у вас, ваще все отсталые, я не могу, пряма не сексуальна в натуре.

— Да вы уж простите, товарищ посол, тут все рабочие ребята. Программисты, инженеры, робототехники да операторы. Технари, прямо скажем. Куда им карнавалы?

— Фу ваще, — надул блестящие губы посол, — ну нельзя же так опускаться. Заксенхаузен плачет. Все человечество прогрессивное клубится не по-детски,

креативит за всю Калугу, а вы прям как во времена «прибей яйца к брущатке Кремля», я прям не могу.

— Работяги, — ступеялся еще больше Экскаваторный.

— Кароче, будем из вас бейбикул делать. Всем гайки я привез.

— Гайки? — испугался Макар Протоныч.

— Ну кольца е? Не всосал?

— А... — закивал начальник, — а зачем кольца-то? То бишь гайки?

— Ну фу, без гаек на карнавал не алле. Все хандэ-мандэ, высший уровень, папаша, — закатил глаза посол.

Экскаваторный понимал мало, но кивал горячо, боясь перед высоким гостем опозориться. Христофор Светофорыч Бирулевка вообще стоял с раскрытым ртом и жадно дышал, словно карп. Он был самым темным на Луне рабочим. Читал по ночам древние книги, и они ему еще и нравились. Более постыдное занятие и вообразить было сложно.

— Как скажете. Карнавал, так карнавал, — сдался Макар Протоныч.

— Ну чмоки, я на сауну пойду греться. Ух, мама, у вас тут ваще контраст, не лазурка, — с этими словами посол удалился, громко цокая высоченными каблукками розовых туфель.

— Чего он сказал-то? — опомнился наконец Христофор Светофорыч.

— А пес его знает. Дипломат. Иди давай, к карнавалу готовиться будем.

— Слушаю, шеф.

...

В большом актовом зале висел анахронический зеркальный шар. Ряд пыльных стробоскопов и светлазеров стояли по углам. По распоряжению посла в центре зала установили надувной мини-бассейн и залили его синтетическим шампанским. На сцене, вокруг се-

ребристых столбов, извивались, как змеи, голые девичьи, вымазанные флуоресцентной краской, это была шоу-группа, прибывшая на звездолете посла, дабы поддержать высокую, духовную миссию посвящения. Сам посол, в белом платье из перьев попугая, танцевал возле Эскаваторного и Бирулевки.

— Ну че, дети, кайфуем! Вот так все светские рауты проводиться должны, пиши на карту, папик, — говорил он Макару Протонычу, стуча тому кулачком по макушке.

— Да, — восхищался тот, — культурность, конечно, шагнула вперед. Что и сказать. Мы тут на Луне совсем отстали от прогресса. Да у нас и артистов-то нет.

— Вы че и зомбовизор не смотрите? — поразился посол.

— Да когда там. Все работа. Должен же кто-то и энергетикку поддерживать.

— Да не ну тут все ясно. Трудница ано, канечна, наскоком. Но и культурность тема, Реал Мадрид! Я вам там конфеток модных прищпилил пару килограмм.

— А?

— Раскалбас ваще последний. Кушаешь конфетку, и все понятно, чего за кем лежит. Мы с презиком тут на неделе поковыляли в Монтеку...

— Куда?

— Ну в Карлу. Монте-Карлу е? Не всосал? И там на карнавале урановые шахты в две конфетки отжали запросто, — захохотал посол.

— Круто, — согласился Христофор Светофорыч, участвуя в разговоре.

— Так что работают люди, черенки, а мы чисто дуем, — пояснил посол.

— Ну вы на то и элита.

— Творчески надо извилины греть, алле. Фонарик-то включи. Лана, отдыхаем, детки, — и посол, взметнув купол белого платья, кинулся в пляс, пропав

в дыму и сверкающих со всех сторон лучах светомышки.

Карнавал задался. Вся станция в этот день резвилась на полную катушку, пили и ели-все что только можно, а под самое утро Эскаваторов Макар Протоныч съел привезенных послом конфет.

— Ух, едрен-антипротон! — кричал он, носясь по станции и ловя воображаемых медуз, похожих на чудесных девушек из сказки, что читала ему в детстве электронная няня. Жизнь казалась прекрасной и удивительной. Все вокруг блестело и искрилось. И не было в голове никаких тяжких мыслей. А были только мысли о счастье и радости. И понял тогда Эскаваторов, что работа его — чистое зло. Человек создан для бесконечного веселья и любви. Для радости существования. Для вечности. И мысль эта застряла в голове каскадным взрывом, словно застывшим на столетия. Как солнце. Бесконечный термоядерный взрыв. Он смотрел сквозь стекло на солнце, лежа в луже собственной блевоты в коридоре спецуровня на третьем этаже. Гулко вибрировали стены станции. Это громыхал карнавал.

Эскаваторов встал и тяжелой походкой двинулся в свой кабинет.

— Вот ведь жизнь, — думал он, — идет вперед, движется семимильными шагами. Культура развивается до пределов невероятных, а я? Что я? Разговариваю даже как древняя черепаха. Как дикарь из нефтедолларовой эпохи. Тьфу! — и стало ему за себя так невыносимо стыдно, что захотелось удавиться. Но он, собрав волю в кулак, успокоился и решил: — Ну нет, я за себя возьмусь! Завтра же на сауну поеду, татушку себе сделаю голорафическую, как у посла, а то и впрямь черт его, чем не шутит, возьму да стану калом картины рисовать! Огромные трехметровые члены на фоне горнодобывающих шахт Марса! А, каково? Творчество, оно ведь сила! **УС**